

Глава 1

Прощай, Москва, здравствуй, вокзал

Настя спрыгнула с железной ступеньки электрички и отошла, пропуская брата, который с пыхтением спускал их огромный чемодан. Девушка огляделась по сторонам, безудержно зевая. Только ей удалось уснуть, кое-как устроившись на жестком сиденье, как Эрик растолкал ее, заявив, что они добрались до места очередной пересадки. И вот они оказались на пустынном перроне, который бы очень зашел в качестве декорации для какого-нибудь фильма ужасов.

— Жрать хочу, — пожаловался Эрик, покосившись в сторону палатки с призывно подмигивавшей вывеской.

— М-м-м... привокзальные чебуреки, — усмехнулась Настя. — Рискнешь?

— Я почти уверен, что отравлюсь, но хочу попробовать, — заявил Эрик и потащил чемодан в сторону палатки.

Настя поплелась за ним, наблюдая, как чехол со скрипкой подпрыгивает на худой спине брата. Вверх-вниз, вверх-вниз в такт его размашистым шагам. Колесики чемодана противно стучали по плиткам, которыми был выложен перрон, а чуть в стороне громко гоготала компания пьяных мужиков, которую Настя тут же занесла в список потенциальных опасностей наравне с чебуреками из привокзальной палатки.

— Может, все-таки не надо? — тихо спросила она у брата, который задумчиво изучал сомнительного вида чебуреки.

— Ты права, — решительно заявил Эрик. — Шаурму в сырном лаваше, пожалуйста. Насть, тебе брать?

— Ты с ума сошел? — Настя с ужасом смотрела на жирное зажаренное мясо, крутившееся на вертеле. — А вдруг там паразиты?

Желудок тоскливо заурчал, но от мысли съесть что-то подобное девушку стало подташнивать. Она вытащила из сумки бутылку воды и стала жадно пить, чтобы хоть как-то утихомирить взбунтовавшийся организм.

— Спорим, ты будешь умолять меня поделиться? — хихикнул Эрик, отсчитывая мелочь.

— Спорим, ты будешь умолять меня дать тебе пару таблеток угля? — передразнила Настя, убирая воду в сумку.

Эрик только фыркнул, забирая из рук продавца шаурму. Откусив первый кусочек, парень едва не застонал от удовольствия, а Настя поджала губы. Шаурма пахла просто восхитительно.

— Пойду разомнусь, — решила девушка.

Эрик кивнул и уселся на чемодан, а Настя решила пройти вдоль перрона. Ночная прохлада пробиралась под тонкий бомбер, и девушка жалела, что не догадалась надеть свитер. Хотя, сбегая из собственного дома под покровом ночи, о таких вещах обычно не задумываешься. Где-то вдалеке нерешительно занимался рассвет. Настя посмотрела на часы: минут через пятнадцать придет следующая электричка, которая увезет их еще дальше от дома.

И хотя нужный им город был не так далеко от Москвы, мать составила крайне сложный маршрут, чтобы запутать следы. Двойняшкам предстояло совершить пять пересадок, исколесив вдоль и поперек половину Подмосковья, и Настю эта перспектива совершенно не радовала. Она посмотрела на Эрика, который осилил половину шаурмы.

— Ладно, дай откусить, — потребовала она.

— А как же паразиты? — весело спросил брат, протягивая Насте шаурму.

— Я сама уже, как паразит, — буркнула Настя, жадно откусывая большой кусок. — Боже, как это вкусно.

— Доедай. — Эрик улыбнулся, глядя на перемазанное соусом лицо сестры.

Если бы не она, ему было бы гораздо тяжелее сохранять присутствие духа. Во-первых, рядом с Настей ему всегда

было спокойно, а во-вторых, он был старше на целых пятнадцать минут, так что статус обязывал. Парень старался выглядеть спокойным, несмотря на то что жутко нервничал из-за того, что мать выставила их из дома, не дав даже толком собраться, забрала банковские карты и выдала какие-то невнятные китайские телефоны с левыми сим-картами.

— Как думаешь, он правда будет нас искать? — вдруг тихо спросила Настя, вытирая с лица остатки соуса.

Эрик пожал плечами, решив, что лучше промолчать, чем озвучить свои мысли и напугать сестру еще больше. Мать не стала бы спонтанно высылать их из города среди ночи, посоветовав напоследок не светить паспортами, если бы дело не приняло крайне скверный оборот. Это была крайняя мера, о которой она как-то вскользь упоминала еще несколько месяцев назад, но ни Эрик, ни Настя не восприняли ее слова всерьез. Почему-то им казалось, что маман драматизирует.

Настя, очевидно, подумала о том же и прижалась к брату, ища поддержки. Эрик мягко погладил ее по волосам, успокаивая. Тишину вокзала прорезал неприятный женский голос, объявивший, что нужная им электричка приближается.

— Все будет хорошо, Насть. Не переживай, — без особой уверенности сказал Эрик. — Прорвемся.

* * *

— Девушка, не загораживайте проход, — необъятная хмурая женщина пихнула Настю не менее необъятной сумкой, едва не сбив девушку с ног.

Настя так опешила, что даже не нашлась с ответом и позволила брату оттащить ее в сторону от толпы, которая текла к выходу с вокзала, сметая все на своем пути. Она тупо стояла, прижимая к груди сумку, глубоко вдыхая запах привокзальных беляшей и слушая монотонный автоматизированный голос, объявлявший направления и пути.

— Мне тут не нравится, — сказала она наконец, оглянувшись на брата.

— Ну, это, пожалуй, лучший вокзал из тех, что мы сегодня посетили, — подмигнул Эрик.

Самый красивый хулиган

— Не напоминай, — поморщилась Настя, вспомнив, как до них докопались какие-то подвыпившие мужики.

Сначала они попросили прикурить, потом стали выпытывать у Эрика «может ли он Владимирский централ на скрипке», а в завершение тот, что был помоложе и потрезвее, стал выпрашивать у Насти телефончик. Причем она так до конца и не поняла, он пытался подкатить или отжать у нее мобилку, но в любом случае было стремно. Ребят спасла вовремя подъехавшая электричка, на которую они побежали со всех ног.

— Ладно. Из хороших новостей — это была последняя электричка на сегодня.

— И это прекрасно, потому что моя попа уже стала квадратной, — проворчала Настя.

Ребята направились к выходу и сразу же нашли такси. Эрик уселся вперед, а Настя развалилась сзади, проклиная гения, придумавшего зеленые елочки-вонючки, которые так любили таксисты. От резкого запаха кокоса у нее разболелась голова, поэтому она приоткрыла окно и стала жадно вдыхать воздух с улицы, прижавшись щекой к стеклу.

В голову снова лезли мысли о маме и их побеге. И если ночью ей было действительно страшно, то сейчас она так устала, что сил не было даже бояться. Ей был жизненно необходим душ, крепкий кофе и какая-нибудь нормальная еда. Эрик уговаривал ее рискнуть и поесть беляшей на одном из вокзалов, но Настя считала чудом то, что они избежали отравления шаурмой, и посоветовала брату не искушать судьбу снова.

Так что они оба были голодные, вымотанные и просто никакие. Когда такси завернуло во двор и остановилось возле безликой серой пятиэтажки, Настя почти обрадовалась. Брат расплатился, вышел из машины и открыл ей дверь.

— Ну что, дом, милый дом?

— Кажется, да, — Настя на всякий случай сверилась с адресом на бумажке, которую сунула ей мать за пару минут до того, как высадила их у Ярославского вокзала.

— Ну, вроде ничего. — Эрик окинул взглядом двор.

Две совершенно одинаковые пятиэтажки, между ними детская площадка, небольшая парковка и пышные кусты.

Взгляд парня зацепился за лебедей, вырезанных из автомобильных шин, которые выглядели крайне убого, но вполне вписывались в общую концепцию двора.

— Пойдет, — согласилась Настя.

Не успели ребята и шага сделать в сторону нужного подъезда, как перед ними выросла бабулька в цветастом платке с облачком сиреневых волос на голове и пронзительно-серыми глазами. Она подошла к двойняшкам почти вплотную и окинула их подозрительным взглядом.

— А вы к кому? — беспардонно спросила она, даже не поздоровавшись.

Настю возмутила подобная бесцеремонность, а еще она понятия не имела, кому принадлежит квартира, в которой им предстояло жить. Пока девушка думала, что ответить, Эрик улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой и ответил за нее:

— Добрый день. А мы, по всей видимости, ваши новые соседи.

— Соседи... В девятую, значит, куда ж еще. Купили аль снимаете? — Глаза бабульки смотрели Насте прямо в душу, и той было не по себе от такого взгляда и подобной наглости.

— А это не ваше дело, — тихо, но твердо ответила девушка.

Мама всегда говорила, что нельзя давать слабину, если тебе хаят. Один раз стерпишь, и пути назад не будет.

— Не мое дело?! Я живу в этом доме с шестьдесят седьмого года, — многозначительно заявила бабка. — Я тут все про всех знаю. Это мой подъезд.

— Как скажете, — не стал спорить Эрик, схватив сестру за руку и потянув ее к двери.

Бабка что-то ворчала вслед, но двойняшки уже оказались за закрытой дверью.

— Это мой подъезд, — передразнила бабку Настя.

— Ты зачем споришь с сумасшедшей? — возмутился Эрик.

— А чего она хамит? И вообще, зачем ты с ней любезничал? Теперь она будет думать, что победила.

— Да плевать, — отмахнулся Эрик. — Пусть думает, что хочет. Нам недельку-другую перекантоваться — и все. И вообще, у нас проблема посерьезнее.

— Серьезнее того, что мы в каком-то загопинске, а наш подъезд крышует бешеная бабка?

— Я не вижу лифта, — Эрик вздохнул, посмотрев на раздутые бока чемодана, а потом на лестницу.

— Эрик, в пятиэтажках нет лифтов, — ласково сказала Настя. — Так что давай, тащи это чудовище на третий этаж. Лифт он захотел.

— За что мне досталась такая противная двойняшка?

— Я твоя расплата за грехи прошлых жизней.

Кое-как затащив чемодан на третий этаж, ребята с волнением посмотрели на дверь с криво приклеенной девяткой. Старая и местами облезлая, она не внушала доверия, но Настя все-таки вставила ключ в замок и открыла ее.

* * *

— Я все понял, — заявил Эрик, в очередной раз чихнув. — Мать решила упростить ему задачу и прикончить нас самостоятельно, заслав в этот клоповник.

Уже третий час ребята пытались привести свое временное жилище в божеский вид. Небольшая двушка с компактной кухней, достаточно скромной ванной и откровенно тесной прихожей в процессе уборки трансформировалась в целый дворец. В квартире явно давно никто не жил, поэтому там было пыльно и затхло. Первым делом двойняшки открыли все окна настежь, пытаясь проветрить помещение, а потом взялись за тряпки и моющие средства. Как оказалось, клининг-сервисы в Подмоскowie популярностью не пользовались.

— Мне вот интересно, где она нашла эту квартиру? — протянула Настя, споласкивая тряпку в ведре. — Типа, через знакомых или еще как-то?

— Мы все равно никогда этого не узнаем, — пожал плечами Эрик.

Насте оставалось только согласиться с ним — мать постоянно что-то мучила и совершала какие-то махинации, но никогда не посвящала их в свои дела. Обычно она приходила и объявляла, что они едут на море или переводятся в новую школу, или, как в этот раз, бегут из города. И каждый

раз ребята, не задавая лишних вопросов, делали то, что она говорила.

— В этот раз она превзошла саму себя, — заметила Настя.

— Это точно, — согласился Эрик. — У меня через две недели начинается учеба, между прочим!

— Не у тебя одного. Что-то подсказывает мне, что мимо первого сентября мы пролетаем, как фанера над Парижем.

— Настька, не нагнетай, — пропыхтел Эрик, забираясь на стул и протирая верх шкафа. — Фу! Тут вообще хоть когда-нибудь кто-то убирался? — Он брезгливо посмотрел на мигом почерневшую тряпку.

— Не похоже, — фыркнула Настя, протирая пыльные плинтуса. — Кстати, у меня вопрос. А как мы узнаем, что все в порядке, если нам нельзя ей звонить и писать?

— Хм... никак. Так что будем ждать, пока она не решит, что нам делать дальше.

— Как обычно, — проворчала Настя.

— Она нас любит, — напомнил Эрик, спрыгнув со стула. — И все, что она делает, она делает ради нас.

— Я знаю, — вздохнула девушка. — Но мне все это не нравится. И я за нее волнуюсь.

— Она справится. И мы тоже. Глядишь, я полы мыть научусь. Великий скрипач Эрик Меркулов «может Владимирский централ» и ловко орудует шваброй, а? Талантливый человек талантлив во всем, — самодовольно заявил парень, уже тыркая шваброй по углам.

— Пока ты только грязь размазываешь, великий скрипач, — фыркнула Настя.

— Всякий готов художника обидеть, — хихикнул Эрик, заехав шваброй на босую ступню сестры.

— Эрик! — Та шлепнула его грязной тряпкой, за что получила новый тычок шваброй.

Завязалась шутивная потасовка, в ходе которой ребята расплескали по полу грязную воду из ведра, Эрик поскользнулся и растянулся, перемазав белую футболку, а Настя случайно уронила на него швабру. Кое-как собрав воду, двойняшки пришли к выводу, что с уборкой на сегодня все. Эрик смылся в душ, а Настя стала разбирать вещи.

Воспользовавшись тем, что брат в ванной, Настя заняла комнату с балконом. Небольшая, но светлая, та понравилась ей сразу, так что она принялась быстро заталкивать вещи в комод, чтобы застолбить ее за собой. Эрик, словно почуяв неладное, помылся за пять минут, выбежал в одном полотенце и сразу начал вопить, что это была его комната.

— Была да сплыла, — Настя показала брату язык и вытолкала его за дверь.

Эрик повозмутился, но потом все-таки смирился с тем, что ему досталась комната с ковром на стене.

— Если ночью он упадет на меня и я задохнусь, считай, что ты меня убила, — драматично сказал он, но Настю это нисколько не растрогало, и она без лишних слов ушла в ванную.

Мылась она долго и основательно, чувствуя, как усталость и привокзальная грязь стекают вместе с водой. Только злость на мать с ее бесконечными выходками никуда не делась. Девушка проторчала в ванной не менее получаса, а когда вышла — обнаружила Эрика на кухне.

— Я нашел заварку. Просроченную. Чаю?

— А кофе нет? — без особой надежды спросила Настя.

Эрик отрицательно помотал головой.

— Тогда я в магазин. Надо купить еды какой-нибудь.

— Ща, я оденусь...

— Эрик, я одна схожу. Мне проветриться надо. Да и магазин в соседнем доме.

Эрик задумался. Он не особо хотел отпускать сестру одну шляться по незнакомому городу, но видел, что ей нужно побыть одной. Несмотря на то что время близилось к девяти вечера, на улице было еще светло, а магазин действительно видно из окна, так что он кивнул.

— Будь на телефоне и, если что, звони. Ни с кем не разговаривай и...

— Эрик, расслабься. Все будет хорошо.

— Я старше...

— На пятнадцать минут, так что отвали, — по-доброму сказала Настя. — Скоро вернусь.

Едва дверь за ней закрылась, девушка сразу ощутила, как из нее выходит весь позитив, который она изображала

ради Эрика. В обычное время он бы запросто ее раскусил, но сегодня брат был явно не в себе. Настя улыбнулась, подумав о том, что он наверняка взялся за скрипку — это всегда его успокаивало. А ей нужно было выйти на воздух. На нее давили стены квартиры, которая почему-то казалась ей едва ли не клеткой. Чем дальше она думала, тем сильнее убеждалась в том, что мать мутит что-то крайне нехорошее.

Что она затеяла? Что будет с ними? А с ней?

По спине побежали мурашки от страшных картин, которые услужливо рисовало Насте ее воображение, и девушка замотала головой. Тем временем она дошла до магазина с гордой вывеской «Кариночка».

— Мило, — пробормотала Настя, дергая белую пластиковую дверь.

Над ее головой тихо звякнул колокольчик. В магазине никого не было, ни в крошечном зале, ни за прилавком. Зато Настя сразу увидела молоко, баночку любимого растворимого кофе и печенье, от вида которого во рту собралась слюна. Обычные орешки со сгущенкой, которые она сто лет не ела. Она так живо представила, как здорово будет заварить кофе с молоком, наестся орешков и завалиться спать, что проблемы с матерью плавно отъехали на задний план.

Девушка тихо постучала по прилавку, надеясь привлечь внимание продавца, но никто не вышел. Она подождала еще минутку, а потом постучала громче.

— Так меня еще никто не вызывал, — недовольно заметила помятого вида женщина, выйдя из-за неприметной двери. — Чего надо?

Настя опешила.

— Знаете, это не очень-то вежливо, так разговаривать с потенциальным покупателем, — не сдержалась она.

— Че?

— Через плечо, — не выдержала Настя. — Неудивительно, что у вас тут людей нет!

Она мысленно попрощалась с орешками и выскочила из магазина, громко хлопнув дверью. Уже оказавшись на улице, она обругала саму себя за то, что не смогла сдержаться

и не вступать в полемику. А посмотрев по навигатору, сколько идти до ближайшего магазина, и вовсе выругалась себе под нос.

Написав Эрику, что задерживается, Настя потопала в дальний магазин. Она корила себя за то, что психанула, но оправдывалась тем, что у нее был ужасный день и вообще все ужасно. Ей всего восемнадцать, а у нее сердце щемит, как у бабки, из-за выходок матери. Хотелось позвонить ей и высказать все, что она о ней думала, но Настя знала, что это невозможно.

И это бесило еще сильнее.

Настя не понимала, как мать могла выпереть их в эту дыру. У них вот-вот должна была начаться учеба, долбаный первый курс! Настя так надеялась, что хотя бы в универе сможет завести друзей, кроме брата, может, познакомиться с каким-нибудь симпатичным парнем, да и просто пожить хоть чуть-чуть как нормальный человек. Только ей показалось, что все наладилось, и вот, пожалуйста, она бежит по незнакомому захоластью, надеясь, что ее не гопанет какой-нибудь алкаш.

Долгая прогулка до магазина, утомительное ожидание в очереди и тяжеленные пакеты не способствовали поднятию настроения, и домой Настя вернулась уже на грани добра и зла. Не успела она нажать на звонок, как дверь тут же открылась.

— Я только хотел тебе звонить. — Эрик втащил сестру в прихожую и быстро закрыл дверь на замок.

— Что случилось? — Насте не понравилось выражение лица брата.

— Короче, тут такое дело... Ты ушла, я решил на скрипке поиграть, ну, чтобы отвлечься. Меня затянуло, я что-то совсем о времени забыл, если честно... А потом в дверь позвонили. Я думал, это ты. Открываю, а там какой-то чел в спортивках, как оказалось, сосед из квартиры напротив. Короче, он высказал, что думает обо мне и о моей скрипке, и доступно объяснил, где она окажется, если я не перестану играть.

— Чего-чего он тебе сказал?! Сейчас всего десять вечера! По закону... — Настя почувствовала, как закипает от бешенства.

— Насть, думаю, ему плевать на законы. Он стремный такой. Короче, забей.

— Ничего не забей! Какой-то гошник не будет указывать нам, когда шуметь в собственном доме! Я с ним поговорю!

— Нет, нет, нет...

— Эрик, ну что он мне сделает? Что?

Прежде чем брат успел перечислить ей все возможные последствия общения с социальным дном, Настя выскочила из квартиры и нажала на звонок с криво нарисованной цифрой десять. Она прокручивала в голове все, что собирается высказать, сжимая кулаки от злости. Ярость, медленно закипавшая в ней весь этот бесконечно отвратительный день, рвалась наружу. Щелкнула задвижка, дверь открылась.

На пороге стоял совсем молодой парень. И хотя он был совсем чуть-чуть ниже и незначительно крупнее Эрика, выглядел гораздо крепче. Настя могла бы назвать его симпатичным, если бы не хмурое лицо и недовольный взгляд. Он осмотрел Настю сверху донизу, чуть задержав взгляд на ее ярко-желтых кроссовках, а потом снова посмотрел ей в лицо.

Губы его чуть дрогнули, словно он собирался что-то сказать, но затем парень шагнул назад и захлопнул дверь.

— Мудила, — Настя пнула дверь ногой, однако ответа не последовало.

Эрик, все это время стоявший под их дверью с табуреткой в руке, облегченно выдохнул. Шансов победить в драке у него не было никаких, и он радовался, что до этого не дошло. Настя же вернулась в квартиру, извергая такое количество нецензурной брани, что прожженный матрос бы покраснел, аки невинная дева.

— Ну, ничего, — мстительно шипела девушка, нарезая круги по кухне. — Проигран бой, но не война. Я придумаю, как...

— Насть, остынь, — Эрик остановил сестру, положив руки ей на плечи. — Забудь про этого козла, у нас тут проблема посерьезнее.

— Да что опять?! — Настя поняла, что сейчас закричит.

— Ты когда-нибудь пользовалась газовой плитой?

